

Исследовательская статья

УДК 316.722 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123>

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА)

Елена Владиславовна Хлыщева¹, Валентина Львовна Тихонова²

^{1,2} Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹ culture_mar@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

² opera-15@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3626-8757>

Аннотация. После распада СССР в постсоветских республиках начинаются процессы деконструкции советской идентичности, доминировавшей на этих территориях многие десятилетия и цементирувавшей политическую и социокультурную целостность. «Советская идентичность» заменяется на множественные национальные идентичности в каждом из субъектов бывшего постсоветского пространства. В представленном исследовании нас интересует Каспийский макрорегион, представляющий собой

геополитически и экономически привлекательное место пересечения интересов не только пяти акторов (Россия, Туркменистан, Казахстан, Иран, Азербайджан), имеющих выход к акватории, но и более удалённых политических субъектов (Китай, Турция, США, ведущие страны Европы), борющихся за влияние в Каспийском бассейне. Каспийский регион является зоной повышенной напряжённости, где периодически случаются конфликты. Исследование процесса конструирования национальной идентичности как в каждом отдельном субъекте, так и в регионе в целом представляет не только научный интерес, но и прикладную задачу в области обеспечения безопасности стран региона, в том числе РФ. Без учёта особенностей современной динамики трансформации идентичностей народов, населяющих Каспийское пространство, как и без анализа причин интенсификации процессов роста национально-культурного самосознания этих народов, невозможно создать условия для их полноценного культурного и политического диалога. Основной целью статьи является анализ механизмов конструиро-

© Хлыщева Е.В., Тихонова В.Л., 2023

вания новой национальной идентичности стран Прикаспийского региона с помощью одного из сравнительно малоизученных на этом материале механизмов — «культуры отмены». Этот дискуссионный термин интерпретируется нами как избирательное «перекраивание» исторической памяти, прошлого опыта и оценок отдельных этапов исторического развития. Данный процесс рассмотрен на примере учебных курсов (истории, изучения родного и иностранных языков, краеведения) общеобразовательной школы и учреждений высшего образования стран Прикаспийского региона. Был также проведён сравнительный анализ учебников (истории, краеведения) общеобразовательной школы и учреждений высшего образования республик Казахстана и Туркменистана. Ограничительным фактором при подборе материала стало обращение к учебникам, изданным на русском языке; подбор осуществлялся методом случайной выборки. Представленная статья открывает серию исследований по проблеме конструирования национальной идентичности на постсоветском пространстве с помощью механизма «культуры отмены», поэтому для анализа выбраны пока только две страны Прикаспийского региона — Казахстан и Туркменистан.

Ключевые слова: культура отмены, идентичность, трансформация, учебные дисциплины, культурная безопасность, Прикаспийский регион, Казахстан, Туркменистан

Благодарности: Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Для цитирования: Хлыщева Е.В., Тихонова В.Л. «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана) // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 104–123. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123>

Research article

CANCEL CULTURE IN CONSTRUCTING NATIONAL IDENTITY OF THE CASPIAN MACRO-REGION COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF TEXTBOOKS IN KAZAKHSTAN AND TURKMENISTAN)

Elena V. Khlyshcheva¹, Valentina L. Tikhonova²

^{1,2} Astrakhan State University name of V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹ culture_mar@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

² opera-15@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3626-8757>

Abstract. The process of the formation of independent states on the territories of post-Soviet republics raised the problem of the construction of their national identities. This process was propelled by the rejection of Soviet identity and the cultural legacy of the Soviet era. This rejection necessitated a reinterpretation of the historical past of the nations and a revision of the pantheon of national heroes. To achieve this goal, the mechanism of cancel culture was used, which aimed at rejecting the values of a certain culture and constructing a new worldview. In this research, we are interested in

the Caspian macro-region, which is an object of interest both geopolitically and economically not only for the five international actors (Russia, Turkmenistan, Kazakhstan, Iran, Azerbaijan) having access to the water area but also for more distant states (China, Turkey, the USA, and leading European countries) fighting for influence in the Caspian basin. In the Caspian region there is heightened tension, manifested in ethnic conflicts (Armenian-Azerbaijani, Kazakhstan, Iran, etc.), therefore the study of the process of national identity construction in each subject individually and in the whole region is not only a matter of scientific interest but also a strategic task to ensure both Caspian and Russian security. The main purpose of the article is to analyze the mechanisms of constructing a new national identity of the Caspian countries through the cancel culture, reconsidering their experience and historical development. This process can be seen most clearly in the example of changes in the educational systems of the Caspian region countries. To conduct a comparative analysis, we took history and local history textbooks from secondary schools and institutions of higher education in the republics of Kazakhstan and Turkmenistan. This research was limited to the study of textbooks published in the Russian language. The selection was made by random sampling. A series of research projects on the construction of national identity in the post-Soviet space through the mechanism of cancel culture starts with this article presenting the results of the study of two countries in the Caspian Sea region — Kazakhstan and Turkmenistan.

Keywords: cancel culture, identity, transformation, academic disciplines, cultural security, Caspian region, Kazakhstan, Turkmenistan

Acknowledgements: The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 "The process of constructing new identities in the Caspian macro-region in the context of societal security".

For citation: Khlyshcheva, E. V., Tikhonova, V. L. (2023) 'Cancel Culture in Constructing National Identity of the Caspian Macro-region Countries (on the Example of Textbooks in Kazakhstan and Turkmenistan)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(2), pp. 104–123. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123>

«Культура отмены» (cancel culture) — современная форма общественного ostracism. Само понятие, как известно, появилось в медийном дискурсе США и стран Европы, быстро став мировым трендом. Изначально «культура отмены» была связана с инициативой социальных активистов, интернет-сообществ, стихийным выражением общественного мнения, т.е. шла «снизу», а не «сверху». Такие действия можно рассматривать как форму бойкота отдельного человека или сообщества. Смысл «отмены» состоял в том, что её объект лишается общественного при-

знания и поддержки, «отменяется» обществом. История недавнего времени успела показать, что подобный массовый бойкот действительно способен уничтожить репутацию, лишить человека работы и даже свободы (если подтвердятся факты, имеющие не только негативную моральную оценку, но и противоправную природу). «Отмена» не раз приводила к обрушению продаж крупных брендов, используя репутационные издержки для «стерилизации» морального климата с помощью приёмов агрессивного анти-маркетинга. В дальнейшем механизм «канселлинга»¹ быстро рас-

¹ Транслитерация «кэнселлинг»/«канселлинг» вошла в публицистический обиход и научный дискурс параллельно с переводом выражения «cancel culture» как «культура отмены». Далее по тексту статьи мы будем использовать эти слова как синонимы, хотя в современной научной и особенно публицистической литературе всё же намечилось их расхождение (а иногда и противопоставление). На наш взгляд, данный феномен безусловно имеет свою страновую и культурную специфику; однако основной смысл — «бойкот» — остаётся неизменным во всех трансформациях.

пространился на социетальные проблемы экологии, ущемления прав меньшинств, насилия, этноконфессиональных конфликтов и т.д.

Различия словоупотребления: «западный» и «незападный» дискурс

В России термин «канселлинг»/«отмена» пока распространён не столь широко, как на Западе. Возможно поэтому многие российские исследователи считают, что «в России нет «культуры отмены» в том виде, в котором она есть в западных странах. И в ближайшее время не появится» [Культура отмены: причины..., 2022: 66]. Объясняется это тем, что российский потребитель не проявляет такой заинтересованности в моральных принципах компаний и брендов, а больше обеспокоен проблемами повседневной реальности. Недаром в России «культуру отмены» стали называть «новая этика»; однако, как показывает практика, и данный термин не прижился, ассоциируясь больше с «вежливостью и этикой общения, равноправием в обществе и уважением представителей других национальностей»².

Тем не менее, у России был свой опыт «культуры отмены», имевший место задолго до появления этого термина. Примерами могут служить «отмены» отдельных деятелей политики и культуры — писателей, художников, музыкантов, актёров и т.д.; в советское время из учебников изымались страницы с описанием опальных политиков, из общедоступного оборота исключались их сочинения и связанные с ними видеоматериалы. В более поздний период «под запрет» попадали фильмы с участием «отменённых» актёров, — например тех, кто в советское время эмигрировал за границу (С. Краморов, О. Видов, Л. Круглый) [Культура отмены: причины..., 2022: 67]. Сюда же можно отнести и снос памятников — после Октябрьской революции 1917 г. или транзита власти в более позд-

ние периоды. Данные «отмены» поначалу имели составляющую стихийного протеста; однако затем они проводились планомерно, и были инициированы «сверху», то есть не «народом», от лица которого провозглашались, а от лица государственных структур.

В последнее время в мировой практике можно наблюдать использование механизма «культуры отмены» для политического давления и санкций в отношении тех или иных публичных деятелей, стран, культур и субкультур, и даже целых исторических эпох. «Культура отмены», независимо от её субъекта-инициатора, всё больше превращается в орудие борьбы с несогласными и инакомыслящими. Например, сегодня западная русофобия привела к попыткам отменить культуру России, что автоматически выводит «канселлинг» из области общественной дискуссии на уровень механизма мировой политики. Такая «отмена» находится уже за пределами пространства внутренних проблем и может позиционироваться как «экзистенциальная угроза безопасности нации» [Чугров, 2022: 91].

Подобное применение «канселлинга» более характерно для западных обществ, однако процессы трансформации политического устройства постсоветских республик и формирования национальной идентичности, начавшись в 1990-ые гг. с переписывания истории, в наши дни также используют механизмы «отмены». В данном случае эта отмена тесно связана с переосмыслением исторической роли русской культуры, что даёт нам право использовать термин «отмена культуры» для анализа механизмов конструирования национальной идентичности государств постсоветского пространства, в частности Казахстана и Туркменистана. Безусловно, будучи инициированы «сверху», эти процессы обрели своих сторонников в среде националистически настроенных групп граждан, постепенно распространяясь на более широкие слои населения. Как след-

² Федорова Е. Возможна ли «культура отмены» в России // Агентство социальной информации. — 2021. — 15 окт. — URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/>

стве, в повседневной практике жители этих стран начинают дистанцироваться от любых проявлений русской культуры. Как отметил Президент России В.В. Путин, сегодня речь идёт о «прогрессирующей дискриминации всего, что связано с Россией при полном попустительстве, а иногда и при поощрении правящих элит»³. Подобные процессы происходят и на Прикаспийском культурном пространстве, — в частности, в Казахстане и Туркменистане.

Как уже отмечалось, «отменить» или попытаться «отменить» в социально-политической практике можно практически всё — от нежелательной персоны до значимого события. Так, одной из тенденций «отмены» становится сегодня переписывание истории в интересах достижения текущих политических целей. При этом «отмена» касается как нежелательных политических (культурных) деятелей, так и достижений целого этноса и даже страны. В любом случае, «культура отмены» представляет собой один из методов «манипулятивного воздействия одной социальной группы на другую с целью защитить свои интересы»⁴. «Отмена» может происходить демонстративно, а может — скрытно, без объяснений причин необходимости отменённых действий. Главное — объявление персоны/культуры несущими угрозу для национального единства страны.

Базовое действие «культуры отмены» — отсутствие, а точнее — «прекращение поддержки». При этом нежелание менять взгляды наказуемо. Таким образом «культура отмены» выполняет миссию дифференциации общества на «своих» и «чужих». Благодаря такому делению общество/человек идентифицирует себя, «выбирает» «нужные» ценности и приоритеты. Любая «отмена» — это «публичное действие, это большая кампания, в которой

объединение разных и непохожих может происходить удачнее всего через механизм идентификации, то есть через «нахождение общих точек соприкосновения» [Burke, 1969: 18]. «Отменить» что-то — «значит симулировать защиту от него»⁵. Прикрываясь необходимостью защиты определённых групп населения (этноса, меньшинств), политические лидеры «берут на себя право “говорить за них”, в действительности забирая рупор у них и выступая их голосом»⁶. Так в пространстве «культуры отмены» исчезает полифония диалога и остаётся авторитарный монолог.

«Культура отмены» как механизм контроля: история и специфика

Исторически сообщества избавлялись от «неудобных» элементов разными способами: изгоняли из племени, города, страны, выделяли в отдельную группу (неприкасаемые), предавали забвению, стирали имена героев или изображения неудобных фараонов и их сподвижников, отлучали от церкви и т.д.; пересматривали память о прошлом, переписывали историю так, как было выгодно элитам в данной конкретной ситуации. Со временем способы наказания становились гуманнее. Например, человека не изгоняли, но буквально «отмечали» тем или иным способом (с помощью знака, элемента одежды, определённого артефакта). Результат оставался прежним — «отмеченного» избегали, прерывали контакты с ним, осмеивали.

В современном обществе «отмена» действует как «институт социального осуждения», который взял на себя не только функции осуждения, но и защиты, — групп или отдельных лиц, права которых в равноправном обществе ущемляются. Это касается, прежде всего, женщин, сексуальных

³ Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета. — 2022. — 28 мар. — URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html>

⁴ Сазонова Е. Что такое «культура отмены» // РБК. — 2021. — 2 апр. — URL: <https://inside-pr.ru/archives/8841>

⁵ Малахова В. Культура отмены: неудобные вопросы и развёрнутые ответы // BURO 24/7. — 2022. — 3 авг. — URL: <https://www.buro247.ru/community/society/humanity-3-aug-2022-cancel-culture.html>

⁶ Там же.

меньшинств, людей с особенностями физического или психического развития. Некоторые исследователи считают, что, возможно, именно такие движения породили феномен «культуры отмены» [Лисица, Туркулец, 2022: 108], нередко превращая её в рупор позитивной дискриминации.

С этой точки зрения можно предположить, что «культура отмены» — современный вариант давно сложившегося механизма социального контроля. Его специфика в наши дни определяется наличием медиасферы, благодаря которой «отмена» стала проявлять «концентрированный, почти тоталитарный характер, генерируя тревожный пульс “эпохи морального беспокойства”» [Чугров, 2022: 96]. В основе феномена «отмены» просматривается извечный страх перед *Другим/Чужим*: «отмена» — попытка от него защититься. При этом сам *Другой/Чужой*, его картина мира, ценности и смыслы, весь его символический капитал упрощаются, примитивизируются. «Отмена» представляет *Другого* именно как *Чужого*, того, кто (что) мешает. А значит, он должен быть изгнан/уничтожен. Так «культура отмены» становится одним из способов «развернуть свою власть (или ощущение власти) в социально приемлемую форму агрессии» [Лисица, Туркулец, 2022: 108].

В обществе, где существует «канселлинг», всегда присутствует страх быть отменённым, который охватывает как отдельную личность, так и социальные группы. Это — страх «оказаться вне группы», в изоляции. Исследователи в области социальной психологии подчёркивают, что успех «культуры отмены» держится именно на страхе. При этом «культура отмены» довольно быстро превращается в орудие политического контроля, а «сетевая демократия приводит к догматизации идей и к власти охлократии» [Чугров, 2022: 90]. Примечательно, что проблему трансфор-

мации «культуры отмены» от инструмента регуляции общественной сферы до использования в политике активно разрабатывают американские исследователи, имеющие большой опыт анализа данного феномена. Характерными чертами «культуры отмены» они называют «культ безопасности», табуированность любого мнения, «которое можно расценить как расистское, сексистское, трансфобное» [Lukianoff, Haidt, 2018: 30], нарастание враждебности между противоположными идеологическими лагерями и разделение американского общества [Hampton, 2010: 1118], «стремление контролировать свободу мнений, пользуясь властью, данной социальными сетями» [Nakamura, 2015: 108].

Часть исследователей и политиков считают «культуру отмены» действенным инструментом «цензурирования и «модерирования» политического и социального пространства»⁷. По их мнению, процедура «канселлинга» оказалась «невероятно эффективной в борьбе с сексизмом, расизмом или любым другим видом жестокого обращения или причинения вреда другим» [Nakamura, 2015: 107]. На это указывает и американский политолог П. Норрис, утверждая, что «культура отмены» приводит к тому, что «определённые ценности в дискурсе начинают тотально вытеснять любые другие, не находящиеся в фокусе текущей парадигмы» [Norris, 2023: 154].

Однако есть исследователи, которые считают, что «культура отмены» приносит больше вреда, чем пользы, объясняя это тем, что людям, которых «отменили», общество просто не даёт забыть об их вредных действиях. С «таким мышлением у людей не остаётся возможности учиться, понимать и исправлять свои ошибки»⁸. Это самый настоящий «культурный бойкот» [Nakamura, 2015: 109]. Сказать «отменить культуру» — значит «уже выразить точку зрения, имплицитно отрицательную»⁹.

⁷ Пареньков Д. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2022. — 7 июн. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/>

⁸ Moffett C. Is cancel culture working? // The Hawk newspaper. — 2020. — 16 sep. — URL: <https://www.sjuhawknnews.com/is-cancel-culture-working/>

⁹ Mishan L. The Long and Tortured History of Cancel Culture // The New York Times Style Magazine. — 2020. — 3 dec. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/03/t-magazine/cancel-culture-history.html>

В основе «отмены» лежит вина за нарушение общепринятых стандартов, будь то «религия, идеология, правовой кодекс или просто рудиментарная этика, без которой ни одна группа не может выжить»¹⁰. Но «отменять» культуру неэффективно: «В какой-то момент нужно подумать о том, как создавать позитивные изменения вместо того, чтобы подпитывать негативные причины»¹¹.

Сегодня идея «культуры отмены» становится политическим мейнстримом. В первую очередь внимание обращается на существующие ценности, которые перестали соответствовать интересам новой политической элиты. В этом случае «культура отмены» начинает использоваться в качестве «политического оружия» самими политическими элитами. Именно так происходит и в постсоветских республиках. Где-то «отменять» стали всё «русское» (Прибалтийские республики, Молдова, Украина, Грузия), где-то «отменяли» только советские ценности (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Армения). В первом случае «культура отмены» превратилась в «отмену культуры»¹². Во втором — «культура отмены» используется как орудие конструирования новой идентичности, основанной на национальных ценностях. Промежуточный вариант представляет собой синтез двух первых.

Специфика становления идентичности стран Прикаспия: рост этнизации национального самосознания в исторических оценках колониального периода

Каспийский регион — «место встречи» Востока и Запада, где передовые модели европейской культуры сосуществуют в тесном взаимодействии с традиционными методами хозяйствования. Такая специфика диктует необходимость формирования «единого ментального субстрата, близко-

го всем представителям прикаспийских стран» [Хлыщева, 2021: 80], без которого не представляется возможным достижение культурной безопасности каждой из этих стран. Понимание логики и механизмов конструирования национальной идентичности в современных государствах является важнейшей научной и практической задачей, находящейся на стыке социальных и гуманитарных наук. Для рассмотрения процессов, связанных с формированием таких идентичностей на постсоветском пространстве, используется историко-типологический подход к анализу социокультурных процессов. Рассмотрение использования в данной связи такого инструмента, как «культура отмены», позволяет уточнить основные векторы конструирования идентичности в странах региона в современных условиях. На основе сравнительного анализа процессов «отмены» советской и отчасти российской культуры в таких странах региона, как Казахстан и Туркменистан, открывается возможность проследить социокультурные трансформации обществ и циркулирующих здесь ценностей, напрямую связанных с конструированием идентичностей.

В настоящее время в постсоветских республиках Прикаспия государственный курс направлен на усиление этно-национальной составляющей национально-культурного самосознания, и именно в этом русле поднимается вопрос о выборе пути развития, формировании национальной идеи и национальной самоидентификации [Хлыщева, 2022]. Наиболее наглядно данный процесс можно наблюдать на примере изменения учебных курсов (истории, изучения языка, краеведения) в общеобразовательной школе и учреждениях высшего образования стран региона.

Политические элиты бывших советских республик реализуют проект формирования гражданской нации в национальном государстве, где основным субъектом су-

¹⁰ IBID

¹¹ Dudenhoefer N. Is Cancel Culture Effective? // Pegasus. The Magazine of the University of Central Florida. — 2020. — Fall. — URL: <https://www.ucf.edu/pegasus/is-cancel-culture-effective/>

¹² Бабалова.

веренитета становится «часть населения, выделяемая на основании особенностей культурно-исторического происхождения и именуемая «титულным» [Нурғалиева, 2009: 79]. Главным адресатом государственной политики становятся представители коренного населения республик.

Поиск новой национальной идентичности тесно связан с утверждением символического статуса народа в мировой истории, поэтому столь важна политика культурной памяти (и забвения). Обращение к истории позволяет соотнести прошлое, настоящее и будущее, осознанно конструировать необходимую идентичность. Именно поэтому «политика памяти» и «культура отмены» становятся приоритетным направлением образования, «эффективным инструментом формирования национальной идентичности» [Алексеева, Троицкая, 2022: 55].

В постсоветских республиках Прикаспия отчётливо проявляется двойственность политики национальной памяти, когда после распада СССР «место русской культуры в качестве основы государственной культурной идентичности заняла культура титульного этноса» [Рыжичкин, 2020: 175]. Тем не менее, «проект национально-государственного строительства подразумевает создание общей идентичности, которая будет разделяться большинством граждан» [Рыжичкин, 2020: 175]. Именно поэтому особую важность приобретает пересмотр истории для выстраивания основ коллективной национальной идентичности на фоне отмежевания от российской культуры. Переосмысление истории начинается с отрицания прогрессивной роли России, которая, как сегодня считается, «виновата» в утверждении «колониальной политики царизма и советской тоталитарной системы» [Рыжичкин, 2020: 178]. В свою очередь,

планомерный отказ от коммунистической идеологии привёл к возрождению в обществах региона традиционных ценностей с «присущим доминированием консервативного сознания и ориентацией на этнические и субэтнические образы культуры» [Звягельская, 2009: 47].

Так, в Туркменистане, по мнению чиновников, в «старых» (советских) учебниках и книгах «неправильно освещается история туркменского народа в период Октябрьской революции и во время советского государственного строительства»¹³. «Неправильными» считаются «любые описания внутренних проблем традиционного общества, а также положительные оценки последствий вхождения Туркмении в состав Российской империи»¹⁴.

Похожие взгляды доминируют и в Казахстане. Так, в учебниках советского периода присоединение Казахстана к России показывалось «с точки зрения заинтересованности отдельных классов казахского общества»¹⁵, у которых были определённые расчёты в отношении России: «военная помощь в борьбе с Джунгарией, перспективы освоения кочевий в районе Урала и Волги, возможности расширения торговых связей с русскими рынками и городскими ремесленными центрами Средней Азии»¹⁶. Принятие же российского подданства Младшим Жузом рассматривается либо как выгодная сделка, продиктованная корыстолюбивыми целями хана, либо как добровольное подчинение ввиду неустойчивости ханской власти и внешней опасности. Феодалная верхушка названа опорой царизма. Её положение «укрепляло колониальную политику царизма, направленную к усилению феодального гнёта, ставившую своей задачей “мирное завоевание” степи»¹⁷.

¹³ Тухбатуллин Ф., Айтаков С. Туркменистан: как пишут учебники истории // *GÜNDOĞAR*. — 2013. — 5 ноя. URL: <http://gundogar.org/?011051415100000000000013000000>

¹⁴ Пономарев В. "Черный список": от Корана до учебников истории // *ЕВРАЗИЯ-ИНТЕРНЕТ ИАЦ АНО*. — 2001. — 9 апр. — URL: https://www.neweurasia.info/archive/2001/free/04_09_Turkmen.htm (ЕВРАЗИЯ-ИНТЕРНЕТ ИАЦ АНО ликвидирована, Правозащитный Центр «Мемориал» признан НКО-иноагентом и ликвидирован в РФ).

¹⁵ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. — Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1948. — С. 192.

¹⁶ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. — Москва: Госполитиздат, 1941. — С. 123.

¹⁷ Там же. С. 132. Грамматическая конструкция оригинала сохранена.

Если в советских учебниках подданство России показано как более прогрессивный период по сравнению с возможным подданством Джунгарии, то в современных казахских учебниках дореволюционный период истории Казахстана описывается исключительно как колониальный, где казахский народ являлся объектом колониальной политики русского царизма; положительных моментов этого периода не отмечается. Подчеркнём: в учебниках советского периода политика царизма в отношении окраин *тоже* рассматривалась как колониальная, а народы окраин определялись как «угнетённые народы царской России, поголовно неграмотные, эксплуатируемые как царской властью, так и властью Временного правительства»¹⁸. В этих текстах отмечалось, что восстания угнетённых народов были не редкостью. Из тех, кто боролся с царизмом, участвовал в Октябрьской революции, вступил в партию большевиков, помогал строительству социализма в своей республике, формировался пантеон советских народных национальных героев (А. Иманов, Т. Бокин, У. Саурыков, Ж. Копеев, М. Сералин, С. Кубеев)¹⁹.

Пантеон героев в историческом краеведении и этническая идентичность

Сегодня история возникновения пантеона героев сместилась в глубокую древность. Так, в учебниках по истории и краеведению в Казахстане подробно рассказывается о тюркском периоде, так как племена саков, усуней, канглы, сарматов, гуннов считаются предками казахского народа. Все они «свободны и быстры, как

ветер»²⁰, их «невозможно было завоевать». И говорили они на одном языке, что свидетельствует о культурном единстве. Подвиги ханов, биев, батыров, отстоявших свою землю, увековечены в дастанах, кюях, легендах, жырах²¹.

Самым значимым для становления казахской идентичности считается период с VI в. по начало XVIII в., включающий эпоху тюркских государств, Золотой Орды и собственно Казахского ханства. Примечательно, что во всех современных учебниках выделяют правление хана Абулхаира, который, с одной стороны, укрепил ханскую власть и объединил жузы, но с другой — выступил за протекторат России, объясняя это тем, что «без сильной внешней поддержки Российского государства ханская власть в Степи не сможет обеспечить стабильную интеграцию казахов всех трёх жузов и сохранить социокультурное единство и экстерриториальную целостность Казахского ханства»²². Хан Абулхаир вошёл в историю Казахстана как крупнейший политик-стратег, военный и политический деятель Степи. А вот его сын — хан Аблай, оставаясь верным присяге «на вечное подданство российскому престолу, в то же время вступил под патронат китайского богдыхана», в дальнейшем «тонко и дипломатично используя свой двойной статус подданного Российской и Цинской империй для успешного проведения собственной политики в Казахском ханстве»²³.

В современных учебниках ключевой оказывается мысль о формировании единого тюркского народа: сегодня идея «Түрік елі» («Тюркский народ») стала национальной. Казахстан считается центром тюркского мира прежде всего географиче-

¹⁸ История СССР: Учебник для 10 класса. Ч. 3. / Под редакцией проф. А.М. Панкратовой. — Москва: Учпедгиз, 1952. — С. 187–188.

¹⁹ История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней. Т.1. / под ред. Омарова И.О., Панкратовой А.М. — Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1949. — С. 450–499.

²⁰ Абдугулова Б.К., Капаева А.Т., Кенжебаев Г.К. *Рассказы по истории Казахстана*: Учебник для 5 класса 11-летней общеобразовательной школы. — Алматы: Алматыкітап баспасы, 2012. — С. 37.

²¹ Там же. С. 39.

²² История Казахстана: народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова, Ж. Б. Абылхожина, И. В. Ерофеевой и др. — Алматы: Дайк-Пресс, 2000. — С. 151–152.

²³ Там же. С. 157.

ски, так как «все тюркские дороги ведут в Казахстан»²⁴, именно через Казахстан «формируются глобальные тенденции встречи востока и запада, севера и юга тюркской ойкумены»²⁵. На этой основе Казахстан «будет преследовать прежде всего свои национальные цели и вкладывать в интеграционные процессы на этом пространстве свои и только свои национальные смыслы, которые, в свою очередь, будут глубоко и широко коррелировать с формирующимися общетюркскими (этническая, культурная, языковая и общецивилизационная идентичность)»²⁶. В связи с важностью изучения данного исторического этапа для формирования идентичности Министерством просвещения Республики Казахстан было предложено «распределить программный материал для изучения по двум классам, чтобы обеспечить полноценное изучение материала»²⁷. Проследим основные вехи этого исторического нарратива.

По мнению казахских ученых, «қазақ» (казах) — тюркское слово, которое означает «вольный человек», что является одной из составляющей национального самосознания казахов. В середине XV века «на исторической карте появляется новый этнос — казахи — население страны Великой Степи с чётко выраженным этническим самосознанием и соответствующим ему самоназванием»²⁸.

Подобным образом в современных учебниках по истории Туркменистана подчёркивается, что «героическая история на-

ших дедов и отцов даёт полное право нынешним поколениям гордиться славными деяниями предков, брать с них пример, а то, что у туркменского народа в прошлом была величайшая история, сегодня признаёт весь мир»²⁹. Конструирование истории Туркмении начинается с мистического предка народа — Огуз хана, а факт древней истории туркмен подтверждается наличием легендарного полководца Тургул-Бека, завоевавшего в XI в. «ряд территорий Центральной Азии и Ближнего Востока» [Плотников, 2016: 159]. Факт величия и древности Туркмении базируется на причастности к Сельджукской империи (XI в.). А величайшей трагедией туркменского народа считается поражение российским войском в Геоктепинском сражении в 1881 г. Напомним: этой битвой завершаются туркестанские походы Российской империи, результат которых — присоединение Закаспия к российской территории.

Итак, величие предков — важнейшая тема истории среднеазиатских республик, призванная представить современников как «достойных продолжателей дела отцов, сумевших осуществить их заветную мечту — достижение независимости» [Арсланов, Мосейкина, 2022: 215]. Такой подход демонстрирует «национализацию истории, проявляющуюся, с одной стороны, в рассмотрении истории лишь своего народа, корни которого обнаруживаются в глубокой древности, а с другой — в идеализации и героизации его прошлого» [Ар-

²⁴ Тулешов В. Философия геополитики Казахстана в XXI веке: Тюркский проект. Часть 1. Географический аспект // Фонд Карнеги за международный мир. — 2013. — 26 авг. — URL: <https://carnegieendowment.org/2013/08/26/rupub-52748> (Фонд Карнеги за международный мир признан НКО-иноагентом и ликвидирован в РФ).

²⁵ Тулешов В. Философия геополитики Казахстана в XXI веке: Тюркский проект. Часть 3. Закат евразийства // Фонд Карнеги за международный мир. — 2013. — 16 сен. — URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/04/rupub-52848> (Фонд Карнеги за международный мир признан НКО-иноагентом и ликвидирован в РФ).

²⁶ Тулешов В. Философия геополитики Казахстана в XXI веке: Тюркский проект. Часть 2. Логика возвращения в родные пенаты // Фонд Карнеги за международный мир. — 2013. — 4 сен. — URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/04/rupub-52848>. (Фонд Карнеги за международный мир признан НКО-иноагентом и ликвидирован в РФ).

²⁷ Мухамедиярова Ж. Учебники по истории Казахстана и Всемирной истории будут едиными для всех школ // МИА Kazinform. — 2022. — 15 апр. — URL: https://www.inform.kz/ru/uchebniki-po-istorii-kazahstana-i-vsemirnoy-istorii-budut-edinyimi-dlya-vseh-shkol_a3923179 (дата обращения 04.03.2023)

²⁸ Бакина Н.С., Жанакова Н.Т., Сулейменова К.К. История Казахстана: Учебник для 6 класса общеобразовательной школы. Республика Казахстан. — Алматы: Атамұра, 2018. — С. 134.

²⁹ Нуриев А., Мошев М. История Туркменистана (XVII–XX века): пробный учеб. для 9 кл. с русским языком обучения для средних школ Туркменистана. — Ашхабад, 2010. — С. 7.

ланов, Мосейкина, 2022: 219]. Как видим, данная тенденция характерна и для изучаемых нами республик.

Заметим: и в Казахстане, и в Туркменистане исторический процесс в учебной литературе излагается с опорой на региональный стандарт, предполагающий деление на три этапа: первые два — это древность и средневековье, а третий этап — колониальный, когда произошло присоединение к Российской империи. Колониальный период в целом оценивается скорее как негативный; вместе с тем его советский этап характеризуются противоречиво: с одной стороны отмечены контроль и эксплуатация со стороны советского государства, с другой — «создание первого общего государства» [Арсланов, Мосейкина, 2022: 213].

Тема свободы

В школьных учебниках среднеазиатских республик основной целью доимперского и колониального периода названа борьба за свободу и создание собственной государственности. Главная же идея — донести до сознания учащихся, что народ, «унаследовав от предков стремление к свободе и независимости, сплотился вокруг лидеров, которые самой историей и традицией были призваны не только объединить народ в рамках единого суверенного государства, но и заботиться о жизни простых людей»³⁰. Россия же с её колониальной политикой и господством признается тормозящим фактором, препятствующим прогрессивному развитию и объединению туркменского (казахского, киргизского) народа в независимое государство.

Тема свободы и постоянной борьбы за неё красной нитью проходит во всех учебниках истории, внедряя мысль о независимости республик и сплочённости вокруг лидеров, объединивших народ в единое

государство. Именно это названо главным деянием всех героических предков. Так на первом этапе «культура отмены» проявила себя в отрицании прогрессивной роли России как в царский период, так и помощи в развитии республик в советскую эпоху. В учебниках схематично и однозначно негативно освещены события, связанные с Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной, коллективизацией, индустриализацией (в туркменских учебниках об этом вообще практически ничего не говорится). Напротив, очень подробно описаны народные восстания против советской власти конца 1920-ых – 1940-ых гг. Так, только в Казахстане отмечается 372 восстания, в которых участвовали более 80 тыс. человек³¹. Продолжались волнения и восстания в 1950-ых – 1980-ых гг. Все они были жестоко подавлены.

В учебниках не анализируется национальная политика советской власти, способствовавшая развитию национальной культуры, созданию школ и просветительских учреждений. Но подчёркивается, что «представители казахской творческой интеллигенции вынуждены были описывать в своих произведениях социалистический реализм, пролетарскую революцию, её вождя Ленина, социальные изменения, реализуемые большевиками»³². Однако, как правило, они «не смогли примириться с несправедливостью и многие пали жертвой тоталитарной системы или подверглись жестоким гонениям»³³.

Некоторые вопросы и задания в конце параграфов нацелены на акцентирование тезиса о негативной роли России и русской культуры в развитии среднеазиатских республик. Примерами могут служить такие вопросы, как: «Почему советская власть подавила народные восстания и не решала проблемы мирным путем?»; «Напишите

³⁰ История Казахстана: курс лекций / под ред. К.С. Каражана. — Алматы: Казах университет, 2011. — С. 191.

³¹ История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы): Учебник для 11 кл. естеств.-мат. Направления общеобразоват. шк. / Т.Т. Турлыгул, С.Ж. Жолдасбаев, Л.Т. Жожакеева, Г.М. Жусанбаева — Алматы: Мектеп, 2015. — С. 176–177.

³² Там же. С. 177.

³³ Там же.

эссе на тему «Вся правда о голоде в Казахстане»»; «Назовите выступления, движения, восстания против политики Компартии и советской власти в Казахстане, имевшие место в 1950–1980 гг.»; «Каковы различия между историческими датами — Днём обретения суверенитета Республикой Казахстан и Днём независимости?» и т.д.³⁴. В учебниках для младших классов есть параграф «Казахстан — космическая страна», где информация о полёте Юрия Гагарина уместилась в одно предложение; но очень подробно дана информация о строительстве Байконура и о казахских космонавтах³⁵.

В Туркменистане в период с 2007 по 2010 гг. история Туркмении, включая времена существования СССР, преподавалась учителями по *методическим указаниям* органов государственного управления образованием, т.е. не по учебникам, а по конспектам. В современных учебниках о советском периоде также даётся весьма скудная информация. Так, в рамках предмета «История Туркменистана» рассказывается о начале колонизации Россией Туркменистана: «об основании крепости и города Красноводск, взятия крепости Геок-Тепе генералом царских войск Скобелевым в 1881-м году»³⁶. Далее изложение событий в учебнике прерывается, а преподавание истории в школах ведётся учителями на основе собственных познаний.

Параллельно в Туркмении была разработана Новая концепция великого исторического прошлого. Президент Туркменистана С. Ниязов лично написал свод морально-этических норм «Рухнама» (Духовный светоч), на который долгие годы опиралась вся образовательная система страны, Рухнама становится основным источником, направленным на констру-

ирование новой национальной идентичности туркмен. Согласно этой концепции, современные туркмены как «богоизбранный народ» должны опираться на славное прошлое своих предков, которые вершили историю и способствовали развитию мировой науки (особенно посредством изобретения туркменского колеса и телеги). Но главная задача — стать «сплочённым, здоровым, красивым народом, стремящимся к нравственной чистоте (с опорой на традиции), к разносторонним знаниям. Ведь именно туркмены во времена сельджукских султанов «тянули караван науки во всём исламском мире» [Плотников, 2016: 159]. Однако, поскольку в генах туркмен заложена «глубочайшая порядочность и нравственная чистота» [Плотников, 2016: 160], открытость, доверчивость по отношению к внешнему миру, они не смогли приспособиться к новым жизненным реалиям, «поддались уговорам со стороны...а потому упали духом» [Плотников, 2016: 160]. Советская эпоха завершила разрушение туркменской нации и привела к автократической государственности, заменившей государственность национальную. Так обосновывается необходимость отказа от внешнего влияния российской культуры и построения собственной идентичности.

С 2001 по 2007 гг. история в Туркменистане преподавалась по газетным статьям с выступлениями С. Ниязова, примерами из его жизни или очерками из жизни его предков. Появляется отдельный предмет по изучению «Рухнамы» — за счёт сокращения часов, выделенных на изучение естественных и гуманитарных наук. Дополнительно в школах вводятся дисциплины «История нейтрального Туркменистана», «Политика независимости великого Сапармурата Туркменбаши»³⁷. Система образования

³⁴ Там же. С. 136, 142, 149, 153, 246, 258.

³⁵ Абдугулова, Капаева, Кенжебаев, с. 179–181.

³⁶ Пономарев. (ЕВРАЗИЯ-ИНТЕРНЕТ ИАЦ АНО ликвидирована, Правозащитный Центр «Мемориал» признан НКО-иноагентом и ликвидирован в РФ).

³⁷ Аннакулиев Б.Р. Историческое образование в Туркменистане при Туркменбаши // Международный педагогический портал «Солнечный свет». — 2020. — 28 янв. — URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/istoricheskoe-obrazovanie-v-turkmenistan8153414/>

фактически превращается в «инструмент политической пропаганды»³⁸. «Рухнама» изучалась не только во всех учебных заведениях, но и на предприятиях. Для этих целей созданы «комнаты Рухнамы» с профессиональными чтецами и толкователями этой книги. Итогом изучения «Рухнамы» была обязательная сдача экзамена; провал приводил к невозможности продвигаться по карьерной лестнице, а также не позволял получить водительские права.

После смерти С. Ниязова в 2007 г. новый президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов постепенно свернул изучение «Рухнамы», перейдя к прославлению существующих первых лиц государства, а также деятелей культуры (прежде всего, поэта Махтумкули Фраги).

Фактическая цель изучения истории, акцентируемая в том числе в учебной литературе Казахстана и Туркмении, — сформировать национальную идентичность, связанную с национальным самосознанием. Народ должен ценить существующие достижения республики, ценить её лидеров — продолжателей дел героических предков, стремящихся восстановить былое доколониальное величие и духовность. Поэтому «знание родословной есть знание истории»³⁹. Базовым компонентом обучения становится изучение традиций и фольклора, причём главное — это понимание роли традиций и фольклора в современной жизни.

Ведущими требованиями образовательных стандартов становятся: осознание причастности к отечественным тра-

дициям и исторической преемственности поколений; понимание значения национального художественного наследия в мировой культуре; определение национально обусловленных различий и сходств между произведениями русской, казахской и мировой литературы; представление о нравственном идеале казахского, туркменского и других народов в художественных произведениях и фольклоре⁴⁰. Доминирование этнической компоненты в образовании предъясняет учащимся необходимость определения своей принадлежности к определённому этносу⁴¹. Подобная упрощённая модель исторического знания демонстрирует сложный и неоднозначный характер процесса «отмены» ценностей колониального периода. «Культура отмены» проявляется в ослаблении позиций России в образовательном процессе прикаспийских республик. Повсеместно из библиотек убираются «неправильные» учебники советского периода, переписывается история. Констатируется, что пребывание республик в составе Российской империи и СССР привело к регрессу нации, поэтому важнейшая задача — отказаться от советского прошлого и начать процесс формирования позитивной национальной идентичности на основе собственного величайшего прошлого. В результате советский период представлен в учебниках как колониальный, а Россия — это скорее «некий зарубежный сосед, чем страна, с которой они ассоциируют собственное прошлое»⁴².

³⁸ Система образования в Туркменистане: спираль деградации // Eurasianet. — 2004. — 7 мая. — URL: <https://russian.eurasianet.org/node/57818>

³⁹ История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы), с. 336.

⁴⁰ Об утверждении государственных общеобязательных стандартов образования всех уровней образования: Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 31 октября 2018 года № 604. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 1 ноября 2018 года № 17669. Утратил силу приказом Министра просвещения Республики Казахстан от 3 августа 2022 года № 348. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017669#z413>

⁴¹ Государственный общеобязательный стандарт начального образования: Приложение к постановлению Правительства Республики Казахстан от «25» апреля 2015 года № 327 // Назарбаев Интеллектуальные школы. — URL: <http://nis.edu.kz/ru/edurenew/eduinside/>

⁴² Шустов А. О состоянии русского образования в государствах Центральной Азии // Столетие. — 2009. — 11 дек. — URL: https://www.stoletie.ru/geopolitika/russkije_shkoly_vytesnajutsa_tureckimi_2009-12-11.htm/

Позиции русского языка

Следующим этапом механизма «культуры отмены» стал массовый отказ от преподавания русского языка, в первую очередь в школах. Во всех государствах Прикаспия в течение последних лет проводится политика вытеснения русского языка из политической и общественной жизни страны. Радикальнее всего к решению вопроса о статусе русского языка подошли в Туркмении, где начиная с 2001 г. отчётливо обозначился процесс культурно-образовательного дистанцирования от России. В стране вводится турецкая 9-летняя система обучения. В Казахстане турецких школ не так много; единственной страной Центральной Азии, где турецких учебных заведений нет, является Узбекистан. Плановая ликвидация образования на русском языке в Туркменистане предполагает, что к 2030 г. в туркменских школах не должно остаться русских классов⁴³.

Открытая дерусификация системы образования на русском языке проводится и в Казахстане. В 2021 г. Парламент окончательно утвердил «обязательное использование только казахского языка на негосударственных вывесках и топонимических указателях»⁴⁴. С начала 2010-ых гг. начинается процесс массовой дерусификации фамилий, который пользуется поддержкой на уровне Минкультга. Параллельно идёт процесс перехода национального алфавита с кириллицы на латиницу, который будет осуществлён с 2023 по 2031 гг. и затронет все сферы, от образования до внешней политики ради «интеграции с самыми

передовыми странами»⁴⁵ (под последними подразумеваются страны Европы и США). С другой стороны, по мнению казахских исследователей, латинизация Казахстана должна усилить национальную идентичность, так как «использование кириллицы сопровождается исторической памятью “колонизации”» [Юй, 2020: 254] Латиница призвана ослабить русское влияние и тем укрепить национальную самобытность казахского народа.

Особая сложность возникает с культурным наследием, прежде всего с книгами, напечатанными на кириллице. В Казахстане считается, что «литература, которая была написана на кириллице, перестанет быть востребованной в том числе и по политическим причинам»⁴⁶. И хотя на уровне государства депутаты отвергают «миф об ущемлении русского языка в Казахстане»⁴⁷, имеют место специфические санкции против использования русского языка в повседневном общении («языковые патрули»). Их задача состоит в проверке использования казахского языка в государственных учреждениях и магазинах, в том числе на факт перевода этикеток на казахский язык и понимания сотрудниками написанного. В некоторых ситуациях активисты добровольческих патрульных групп заставляли русскоязычных граждан страны извиняться на камеру за их высказывания и за использование русского языка. Подчеркнём: президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев назвал это явление провокационным⁴⁸.

В Туркменистане на сегодня практически завершён процесс латинизации алфавита. Здесь выросло «целое поколение,

⁴³ Панфилова В. Туркменистан избавляется от русского языка // Независимая газета. — 2020. — 17 сен. — URL: https://www.ng.ru/cis/2020-09-17/1_7967_turkmenistan.html

⁴⁴ Кулагин В. Что происходит с русским языком в Казахстане // Газета.ру. — 2021. — 11 дек. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/10_a_14303011.shtml

⁴⁵ Панфилова В. Переход Казахстана на латиницу – это сигнал для России // Независимая газета. — 2017. — 13 апр. — URL: https://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazakhstan.html

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Минпросвещения Казахстана опровергло отмену обучения в школах на русском языке // Ведомости. — 2022. — 15 авг. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/08/15/936029-minprosvesheniya-kazhastana-oproverglotmenu>

⁴⁸ Чернышева Е., Филипенко А. Токаев назвал действия языковых патрулей «провокацией спецслужб» // РБК. — 2022. — 29 апр. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2022/626ba8119a7947dd5ddaef90>

которое не говорит на русском языке». Тем труднее студентам, приехавшим на обучение в Россию, адаптироваться и влиться в учебный процесс. Положение усложняется практически полным незнанием специфики русской культуры. Интернет в Туркменистане развит слабо, а доступ к внешним ресурсам ограничен. По результатам опросов, регулярно проводившихся в Астраханском государственном университете, туркменские студенты до приезда имеют негативное представление о России, которое меняется в процессе пребывания в стране. И если на первом курсе большинство туркменских студентов стремится вернуться на свою Родину, то к пятому курсу таковых остается намного меньше⁴⁹. Многие, особенно девушки, главной причиной желая остаться в России называют «свои» традиции, которые лишают человека свободы действия в современном её понимании.

Туркменистан считается сегодня одной из самых консервативных и закрытых стран Прикаспийского пространства, где «политика «дерусификации» является самой тщательной, а статус русского языка — самым низким» [Юй, 2020: 255]. Тем не менее, и здесь мы видим двойственную политику в отношении России и её культурного наследия. В Ашхабаде можно услышать русскую речь. Работает единственная совместная российско-туркменская средняя школа имени Пушкина — элитное учебное заведение с обучением на русском языке. Президент России Владимир Путин в ходе российско-туркменских переговоров 10 июня 2022 г. высказал признательность властям Туркмении «за бережное отношение к русскому языку и русской культуре и обещал оказать содействие деятельности этой школы»⁵⁰.

В отличие от Туркменистана, в Казахстане статус русского языка сегодня «хоть и не сопоставим с советским периодом»

[Боришполец, 2014: 66], но удерживает свои позиции в повседневной жизни казахов. Полный отказ от русского языка и русской культуры не отвечает интересам большинства населения республики. В образовательной системе принята концепция «Триединства языков», подразумевающая «изучение казахского языка как государственного, русского — как языка межнационального общения и английского — как языка успешной интеграции в глобальную экономику» [Бейсенбаева, 2017:41].

Тем не менее, русский язык в обеих странах всё более прочно занимает позицию «маргинала». Если в Казахстане хотя бы на уровне идеологии признаётся триязычная языковая модель, в Туркменистане у русского языка нет «ни юридического статуса, ни широкого пространства использования, число русских жителей крайне невелико, русский язык выполняет слабую функцию и превращается в настоящий иностранный» [Юй, 2020: 269]. Как видим, через отказ от русского языка происходит и отказ от российского культурного наследия. В этом случае «культура отмены» грозит превратиться в «отмену российской культуры»⁵¹, а достижения народов, сделанные ими в ходе предшествующих исторических периодов, — если не обнулиться, то по крайней мере исказиться в угоду политической конъюнктуры с её стыдливой полуправдой.

Некоторые итоги

Интеграционные процессы современного мира тесно связаны с процессами трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп. Под влиянием происходящих в мире процессов существующие модели идентичности размываются, ослабляя традиционные связи и нарушая сложившиеся

⁴⁹ По опросам 2017 г. из 18 туркменских студентов-культурологов домой планировали вернуться 15, то в 2022 г. эти же студенты в большинстве изъявили желание поступать в магистратуру с целью остаться в России. В Туркменистан вернулись только три девушки, которых родители сосватали и дома ждал жених.

⁵⁰ Путин отметил бережное отношение к русскому языку в Туркмении // РИА Новости. — 2022. — 10 июн. — URL: <https://ria.ru/20220610/turkmeniya-1794591562.html>

⁵¹ Бабалова

структуры. Страх потеряться в глобализационном потоке и стремление сохранить свою национальную идентичность приводит к «формированию новых мифологем традиционной картины мира, создающих симулякры адаптационных механизмов в изменяющемся социуме и оказывающих мощное воздействие на сознание и поведение индивидов конкретного сообщества» [Хлышева, 2021: 82].

Процессы конструирования национальной идентичности опираются на практики изменения коллективной памяти и являются прерогативой государства. Важнейшими пунктами программы формирования новой памяти становится «культура отмены», «направленная на сознательное уничтожение памятников, религиозных реликвий, книг и т.п., оставшихся от прошлой эпохи» [Савельева, Полетаев, 2006: 413–414], возрождение собственного культурного наследия и создание новой системы образования, в которой подрастающее поколение воспитывается в духе этнизированной национальной идеи. Подобное происходит во всех постсоветских республиках, обозначив в той или иной мере «культуру отмены» советского прошлого и возврат к национальным корням. Статус данного процесса зависит от позиции политических элит каждой страны.

И если страны Запада открыто провозглашают «отмену» русской культуры, то в государствах Средней Азии и Прикаспия «сочетаются и формальное признание союзнического долга, и скрытая русофобия» [Арсланов, Мосейкина, 2022: 222]. Основные волны «культуры отмены» затронули период становления самостоятельных постсоветских государств, когда было жизненно необходимо сплотить нацию.

Наличие «глубоко продуманной национальной политики памяти — обязательное условие прочной идеологической консолидации общества и достойного позиционирования страны в мировой политике» [Гапоненко, 2020: 51]. Так, президент Туркменистана С. Бердымухамедов говорит о необходимости «научно обосновать теорию происхождения туркменского народа, с изложением стройной периодизации исторических этапов, начиная от зарождения нации и до наших дней»⁵². Концепция укрепления и развития казахской идентичности и единства базируется на принципах «общенациональной патриотической идеи «Мәңгілік ел» — гражданское равенство, трудолюбие, честность, культ учёности и образования, светская страна»⁵³. Подчёркивается, что «казахстанская идентичность и единство — это непрерывный поколенческий процесс», когда каждый гражданин «связывает свою судьбу и будущее с Казахстаном»⁵⁴. Целью новой Концепции становится «формирование поколения «Мәңгілік ел», сплоченного вокруг стратегических целей развития страны, воспитанного на принципах казахстанской идентичности и единства, нового казахстанского патриотизма»⁵⁵.

Формирование молодого поколения начинается с детства, особенно важны школьные годы. Поэтому школьные учебники не только обучают, но и воспитывают. Однако, прославляя собственное прошлое, авторы учебников пытаются объяснить отсталость и бедствия народов вмешательством в их развитие враждебных внешних сил, формируя тем самым образ «внешнего врага» (в нашем случае, врагом становится Россия), что неминуемо приводит к «отмене» культурных ценностей и наследия

⁵² Аннакулыев.

⁵³ О проекте Указа Президента Республики Казахстан "Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства": Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 декабря 2015 года № 1012 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001012>

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

этого врага. Это диктуется как политическими, так и экономическими причинами, связанными прежде всего с изгнанием русских конкурентов из бизнес-пространства.

Основной целью обучения и воспитания становится «политизация исторической памяти, которая используется в практических целях» [Воленко, 2021: 84]. В учебной литературе разных республик утвердился «единый канон, главной чертой которого стала этноцентричность, концентрация внимания исключительно на истории и культуре своего народа, который предстает ведущим субъектом исторического процесса» [Арсланов, Мосейкина, 2022: 220]. Однако, «общее прошлое невозможно без специфических усилий по его конструированию» [Малахов, 2001: 127]. Так «культура отмены» становится инструментом конструирования необходимой национальной идентичности, соответствующей интересам национальных правящих элит. Однако национальная идея не может быть механически привнесена в общество средствами идеологического воздействия и зачастую современные массовые представления об исторических событиях являются не «естественной памятью нации, передаваемой из поколения, а профессиональной деятельности ученых, преподавателей, политиков» [Гапоненко, 2020: 49].

«Культура отмены» — опасное явление, особенно в пространстве международной политики. В случае использования «культуры отмены» как «механизма управления общественно-политической повесткой дня»⁵⁶ она приобретает отчётливую идеологическую окраску, становится инструментом манипулирования массовым сознанием. И если внутри государства «культура отмены» может временно решить проблемы формирования собственной идентичности, то «эффект от воздействия на остальных участников международных отношений может быть обратным»⁵⁷. Кроме того, ловушка «культуры отмены» заключается ещё и в том, что она подвергает эрозии базовые ценности собственного общества, ведёт к автономизации культурных пространств, что не способствует взаимодействию народов, а лишь усиливает угрозу культурной безопасности. Использование материалов данного исследования может способствовать критическому анализу случаев антироссийских применений «культуры отмены» в целях развития и расширения межкультурных связей стран Каспийского региона с Россией в рамках формирования новой многополярной модели международных отношений.

Список литературы:

Алексеева Т.С., Троицкая Ю.Г. Роль образования XXI века в становлении основ национальной идентичности // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2022. — № 1. — С. 51-57. <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.8>

Арсланов Р.А., Мосейкина М.Н. Национальная история в учебной литературе современных государств Центральной Азии: цели и методы изложения материала // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 210-226. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.113>

Бейсенбаева А.С. О внедрении национального проекта «Триединство языков» // Вестник северокзахстанского университета им. Манаша Козыбаева. — 2017. — №1. — С. 39- 43.

Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2. — С. 63-70.

⁵⁶ Пареньков.

⁵⁷ Там же.

Воденко К.В. Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтничного социума // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. — 2021. — № 12. — С. 81-90. https://doi.org/10.52270/26585561_2021_12_14_81

Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 40-53. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10303>

Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. — Москва: Аспект Пресс, 2009. — 208 с.

Культура отмены: причины трудностей развития в России / А.В. Никитин, О.М. Орлинская, П.В. Седаев [и др.] // Власть. — 2022. — Т. 30, № 3. — С. 65-69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9046>

Лисица К.Э., Туркулец В.А. "Культура отмены" как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 6. — С. 107-110. <https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s>

Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. — Москва: Гендальф, 2001. — С. 115-138.

Нурғалиева Ж.К. Поиски новой этнической идентичности в республике Казахстан как национализирующем государстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2009. — № 3-1. — С. 77-84.

Плотников Д.С. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. Политология. — 2016. — № 2. — С. 156-167.

Рыжичкин Н.Н. Постсоветский Казахстан. Пути формирования национальной идентичности // Свободная мысль. — 2020. — № 3. — С. 175-186.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2: Образы прошлого. — Санкт-Петербург: Наука, 2006. — 749 с.

Хлыщева Е.В. Каспийский регион как пространство культурной безопасности // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. — 2021. — Т. 1, № 2. — С. 80-93. <https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-2-1-081-093>

Хлыщева Е.В. Формирование идентичности в образовательном процессе России и Казахстана: сравнительный анализ // Полилог. — 2022. — Т. 6, № 4. <https://doi.org/10.18254/S258770110023490-1>

Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 88-98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3, № 3. — С. 250-270.

Burke K. A Grammar of Motives. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 530 p.

Hampton K.N. Internet Use and the Concentration of Disadvantage: Glocalization and the Urban Underclass // American Behavioral Scientist. — 2010. — Vol. 53, № 8. — P. 1111-1132. <https://doi.org/10.1177/0002764209356244>

Lukianoff G., Haidt J. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. — New York: Penguin Publishing Group, 2018. — 352 p.

Nakamura L. The Unwanted Labour of Social Media: Women of Colour Call Out Culture As Venture Community Management // New Formations. — 2015. — № 86. — P. 106-112. <https://doi.org/10.3898/NEWF.86.06.2015>

Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // Political Studies. — 2023. — Vol. 71, № 1. — P. 145-174. <https://doi.org/10.1177/00323217211037023>

References:

Alekseeva, T. S. and Troitskaya, Y. G. (2022) 'The role of education of the 21st century in the formation of the foundations of national identity', *Naučnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, (1), pp. 51-57. (In Russian). <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.8>

- Arslanov, R. A. and Moseykina, M. N. (2022) 'National History in Textbooks of the Modern States of Central Asia: Goals and Methods of Presentation', *Modern History of Russia*, 12(1), pp. 210–226. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.113>
- Bejzenbaeva, A. S. (2017) 'O vnedrenii nacional'nogo proekta "Triedinstvo jazykov" [On the implementation of the national project "Trinity of Languages"]', *Vestnik of the North Kazakhstan University named after M. Kozybayev*, (1), pp. 39–43. (In Russian).
- Borishpolets, K. P. (2014) 'Russian language in the Central Asia region', *MGIMO Review of International Relations*, (2), pp. 63–70. (In Russian).
- Burke, K. (1969) *A Grammar of Motives*. Berkeley: University of California Press.
- Chugrov, S. V. (2022) 'Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots', *Polis. Political Studies*, (5), pp. 88–98. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>
- Gaponenko, L. B. (2020) 'The construction of national identity in the context of the politics of memory', *Diskurs-Pi*, 17(3), pp. 40–53. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10303>
- Hampton, K. N. (2010) 'Internet Use and the Concentration of Disadvantage: Glocalization and the Urban Underclass', *American Behavioral Scientist*, 53(8), pp. 1111–1132. <https://doi.org/10.1177/0002764209356244>
- Khlyshcheva, E. (2022) 'Identity Formation in the Educational Process in Russia and Kazakhstan: Comparative Analysis', *Polylogos*, 6(4). (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S258770110023490-1>
- Khlyshcheva, E. V. (2021) 'The Caspian region as a space of cultural security', *Caspium Securitas: Journal of Caspian Safety & Security*, 1(2), pp. 81–93. (In Russian). <https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-2-1-081-093>
- Lisitsa, K. E. and Turkulets, V. A. (2022) 'Cancellation culture as a form of stigmatization', *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (6), pp. 107–110. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s>
- Lukianoff, G. and Haidt, J. (2018) *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York: Penguin Publishing Group.
- Malakhov, V. (2001) 'Simvolicheskoye proizvodstvo etnichnosti i konflikt [Symbolic production of ethnicity and conflict]', in *Yazyk i etnicheskyy konflikt [Language and ethnic conflict]*. Moscow: Gendalf Publ., pp. 115–138. (In Russian).
- Nakamura, L. (2015) 'The Unwanted Labour of Social Media: Women of Colour Call Out Culture As Venture Community Management', *New Formations*, (86), pp. 106–112. <https://doi.org/10.3898/NEWF.86.06.2015>
- Nikitin, A. V. et al. (2022) 'Cancel Culture: Reasons for Development Challenges in Russia', *Vlast'*, 30(3), pp. 65–69. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9046>
- Norris, P. (2023) 'Cancel Culture: Myth or Reality?', *Political Studies*, 71(1), pp. 145–174. <https://doi.org/10.1177/00323217211037023>
- Nurgalieva, Z. K. (2009) 'Search of a new ethnic identity in the Republic of Kazakhstan as a nationalizing state', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12, Psihologiya, sociologiya, pedagogika*, (3–1), pp. 77–84. (In Russian).
- Plotnikov, D. S. (2016) 'Constructing the past of Central Asia in the context of building relations with Russia at the present stage', *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (2), pp. 156–167. (In Russian).
- Ryzhichkin, N. N. (2020) 'Post-Soviet Kazakhstan. The paths of building national identity', *Svobodnaya mysl'*, (3), pp. 175–186. (In Russian).
- Savelyeva, I. M. and Poletaev, A. V. (2006) *Znaniye o proshlom : teoriya i istoriya : v 2 t. T. 2: Obrazy proshlogo [Knowledge of the past: theory and history: in 2 vol. Vol. 2: Images of the past]*. Saint Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Vodenko, K. V. (2021) 'Management of historical memory as a way of forming the national identity of a multi-ethnic society', *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, (12), pp. 81–90. (In Russian). https://doi.org/10.52270/26585561_2021_12_14_81
- Yu, H. (2020) 'The current situation of the Russian language in the states of Central Asia', *Postsovetские issledovaniya*, 3(3), pp. 250–270. (In Russian).
- Zvyagelskaya, I. D. (2009) *Stanovlenie gosudarstv Central'noj Azii: politicheskie processy [Formation of the states of Central Asia: political processes]*. Moscow: Aspekt press Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Елена Владиславовна Хлыщева — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета. 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а. (Россия)

Валентина Львовна Тихонова — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета. 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а. (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Elena V. Khlyshcheva — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Faculty of Social Communications of Astrakhan State University. 20A, Tatishchev street, Astrakhan, 414056 (Russia)

Valentina L. Tikhonova — PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Faculty of Social Communications, Astrakhan State University. 20A, Tatishchev street, Astrakhan, 414056 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 28.04.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 28.04.2023.